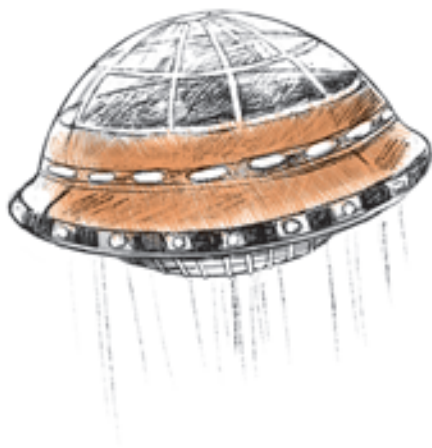

Владислав Крапивин

МАЛЬЧИК ДЕВОЧКУ ИСКАЛ

Тыквогонские приключения

Рисунки Марины Шатуленко

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2023

Три кита и бесконечность

Всякий знает, что экзамены связаны с тревожными чувствами. У одних появляется внутри (в душе или в животе) замирание. У других бегают по коже щипалки. Ещё у кого-то кусается в носу или чешутся пятки. Последнее особенно неприятно — попробуй почесать, если ты в башмаках. А босиком на экзамены, как известно, не ходят.

Четвероклассник Авка из Императорской школы номер два ничего такого не испытывал. У него была другая особенность. При всякой опасности (а экзамен, сами понимаете, опасность) начинал Авка икать. Не очень громко, но без остановки и равномерно.

Он опасался, что и сейчас будет так же. Хотя, казалось бы, чего бояться-то? География — это ведь не занудная арифметика с её дурацкими задачками про бассейны, из которых вытекает вода, и про двух рыцарей, которые издали скачут навстречу друг другу...

Арифметика была уже сдана. И ещё два экзамена — по родному языку и по древнетыквогонскому — тоже. Причём оба вполне успешно, с оценкой «десять», что означало «достойно одобрения». География — последний экзамен, после которого прощай, начальная школа, и здравствуй, Императорская гимназия. А поскольку он последний, решили провести его особенно торжественно. Не в классной комнате, а в актовом зале.

— Но где же напасёшься столько рыб на таких громадин? — игриво подначила Авку дама.

— Но ведь океан-то беспределен!.. Если вы окажетесь на океанском берегу, то увидите, будто небо вдали сливается с водным простором, и эта граница слияния называется горизонт, но это лишь обман зрения, потому что на самом деле никакого слияния нет. Небо и океан совершенно бесконечны и не соединяются нигде и никогда... — И дальше Авка опять не удержался: — Хотя некоторые учёные утверждают, что в бесконечности есть какая-то своя конечность, только не простая, а... ну, она как бы сливается с бесконечностью. Это, кажется, называется «диалектика», только мы её тоже ещё не проходили...

Господин Укроп сморщился, но профессор Дадан был в восторге:

— Bravo! Bravo!.. Господин наставник, вы можете поздравить себя с такими глубокими знаниями своих питомцев! Это уже четвёртый ученик подряд, который заслуживает оценки «выше всяких похвал»! Причём я бы особо отметил его интерес к вопросам мироздания, а также умение образно и ярко излагать свои мысли.

Авка скромно разглядывал свои башмаки, в которых отражались лампы. И так же скромно сказал:

— Ваша высокоучённость, мои знания ничуть не больше, чем у других учеников нашего класса. У нас все любят географию. — Он слышал, что академиков принято называть именно так, «ваша высокоучённость».

Господин Укроп опасно ёрзал на стуле и бросал на Авку взгляды. И Авка понимал, что ох как рискует. Но он понимал и то, что профессору и дамам не очень-то хочется несколько часов сидеть в этом скучном зале и одного за другим допрашивать несчастных четвероклассников.

Председатель и академик Кантонелий Дадан спросил четвероклассника Головку вкрадчиво:

— Вы утверждаете, коллега, что любой ваш одноклассник мог бы ответить не хуже вас?

Авка украдкой глянул на своего учителя.

Чопки

— Ну... если говорить совсем честно, ученик Минутка, наверно, мог бы слегка сбиться. Недавно он путался в названиях рек. Но, возможно, к экзамену он подтянулся, ваша высокоучённость...

Председатель торжественно обратил очки к Авкиному наставнику.

— Господин... э-э-э... Укроп. То, что мы слышали, свидетельствует о весьма похвальных успехах вверенных вам учащихся. Полагаю, что нет смысла подвергать ваш класс дальнейшему испытанию. Будет разумно, если все получают те же оценки, что четыре опрошенных ученика, и отправятся на вполне заслуженные каникулы...

— Вы очень добры, ваша высокоучённость. Однако что касается ученика Минутки, то я всё-таки...

Комиссия сдвинула головы и начала совещаться вполголоса.

Потом Авке велели пойти в коридор и пригласить в зал всех, кто ждал экзамена.

И четвёртому классу было объявлено, что каждый удостоен оценки «двенадцать». Кроме ученика Минутки, которому поставили «десять», что значило «достойно одобрения».

Чопки

Ух как ликовал четвёртый класс! Как радостно лупили находчивого Авку ладонями по спине, как наперебой угощали лимонными леденцами и пахучей жевательной смолкой!

Конечно, весь этот гвалт был уже не в зале, а на школьном дворе.

Больше всех радовался большой и пухлый Тит Минутка, который никогда не путался в названиях рек, поскольку сроду не знал ни одного. До этого часа он с тоской ждал экзамена, трескучего провала и унылых летних занятий. А потом — осенней переэкзаменовки. А ещё — объяснения с папашей, водителем грузового тыквоката, который (папаша, а не тыквокат)

тихо-тихо. И загадочно. Как во сне. Это было приятно и... страшновато. Авка наконец тряхнул головой.

— Гусёнок! А ну, вылезай! Весь уже синий!

(Хотя с берега было не разглядеть, синий он или ещё какой.)

Гуська послушно выскочил на песок. Запрыгал, захлопал себя по ребристым бокам. Авка, ворча для порядка, растёр его своей рубашкой.

— Одевайся живо!

Гуська прыгнул в широченные штаны, натянул их до подмышек. Авка со вздохом стал натягивать школьный костюм. Было немного жаль, что ничего так и не случилось. И, видимо, уже не случится...

Но...

Что-то на миг закрыло солнце. Свистнуло над головами. Пронеслось, замедлило полёт. Зависло над берегом в сотне шагов от мальчишек. Круглое, большущее, сверкающее выпуклым стеклом.

— Ложись, — быстро сказал Авка. И они с Гуськой зарылись подбородками в песок.

Какая форма у Земли?

Полукруглое что-то лежало неподвижно. Частью в воде, частью на песке. Может, это Луна раскололась надвое и прозрачная половина плюхнулась сюда, на Императорский дикий пляж?

Если так, это будет великое открытие. Авка прославится на всю Тыквогонию и окрестные страны (ну, и Гуська заодно). Надо пойти и посмотреть.

Только почему-то не очень хотелось вставать.

Авка посмотрел на Гуську. Тот смотрел на Авку с испугом, но и с готовностью выполнить всякую команду.

КАКАЯ ФОРМА У ЗЕМЛИ?

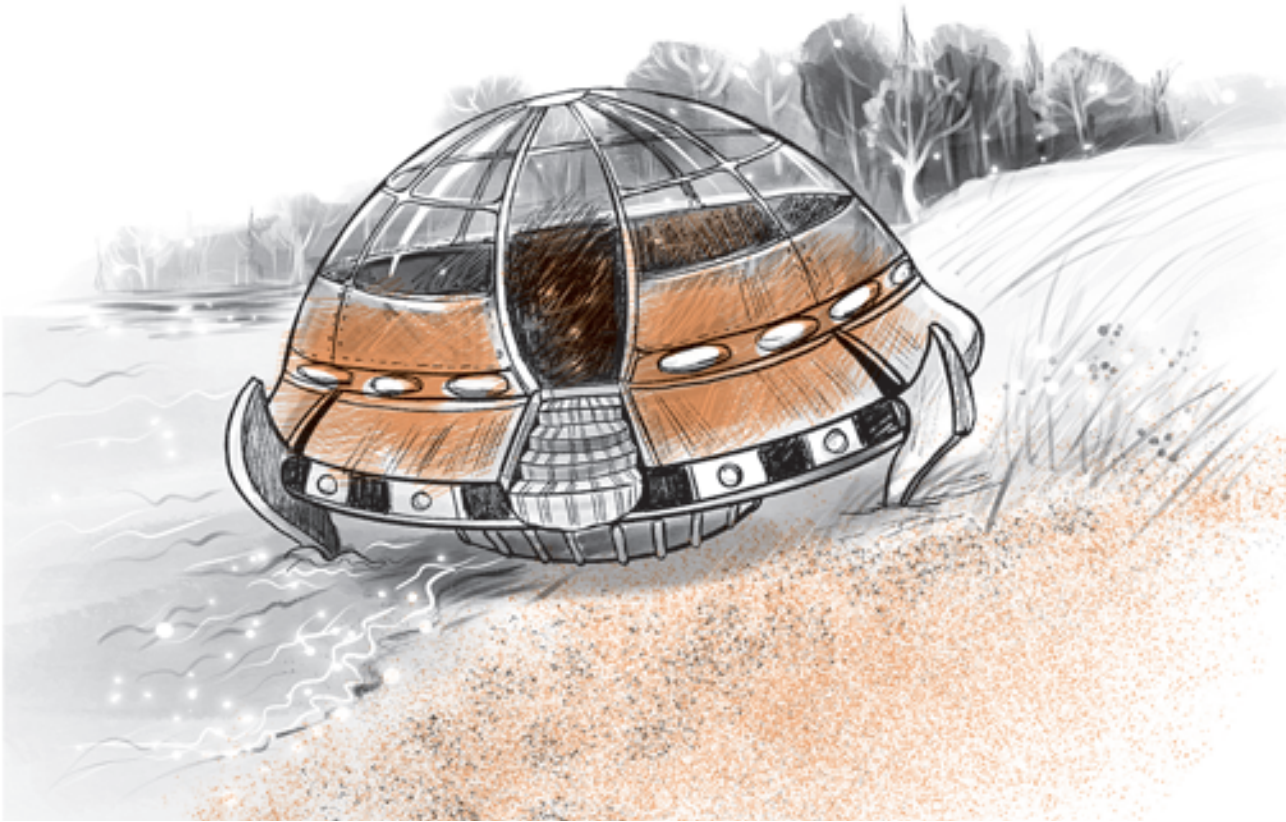
«Что ж, пошли», — хотел уже сказать Авка. Но в этот миг блестящий купол бесшумно разъехался. В тёмной щели возник мальчишка. Он упёрся в края ладонями, раздвинул щель пошире и шагнул на песок.

И сразу пошёл к Авке и Гуське.

И чем ближе подходил, тем понятнее делалось: не мальчишка это, а девочка.

Да, одежда была мальчишечья — такие же, как у Авки, узкие брючки до колен (только не бархатные, а, кажется, кожаные), тесная серая безрукавка со шнуровкой на груди, тупоносые башмаки на босу ногу. И стрижка короткая, и никаких серёжек, брошек и бус. Но по лёгкой походке, по чуть заметной плавности движений всё же можно было угадать девочку.

Гуська, видимо, тоже угадал. Извернулся и быстро сменил лежачую позу на сидячую, обхватил колени. Авка тоже торопливо сел. А потом встал. Сообразил: девочка-то незнакомая, неизвестно откуда и, скорее всего, без всякой вредности

— Ну... вроде того.

Звенка сильно шевельнулась у кресла. Снизу вверх, от подлокотника, строго глянула на Авку.

— Как это так? Друзей «вроде того» не бывает. Друг, он — или «да», или «нет».

— Ну... я не так выразился. Друг...

Было бы долго и неловко объяснять девочке из другого мира тонкости мальчишечьих отношений в Тыквогонской империи.

— По-моему, он очень добрый, — успокоившись, продолжала Звенка. — Только с виду немножко забавный. Особенно его штаны.

— Они от старшего брата. Поэтому большущие.

— А почему заплатка смешная такая, красная? Неужели белой материи не нашлось?.. Ой, здесь, наверно, мода такая, да?

— Не мода, а обычай. Брат, покуда не вырос, был императорским барабанщиком, это его форменные брюки. Все придворные барабанщики ходят с красной заплатой на левом колене.

— Почему?

— Потому что однажды случилась история... Ещё целый век тому назад... Тогдашний император и его дочка, ей лет десять было, вроде как нам, поехали на открытие нового Императорского цирка. Он и сейчас посреди столицы стоит. Ну, конечно, в городе полный трам-тарарам, почётный караул, музыка. У цирка вдоль улицы с одной стороны императорские трубачи, с другой — императорские барабанщики. А один барабанщик, самый маленький (звали его, говорят, Бустик), опоздал на это дело. Он вышел со своим барабаном из дома как полагается, заранее, но в одном переулке ему повстречались вредные пацаны. Знаешь, бывают такие...

— Бывают. У нас тоже... — вздохнула Звенка. И пересела с пола на мягкий подлокотник, потому что устала сидеть на корточках. Она обняла Авку за плечо и тепло дышала ему в заросшее темя. И это было такое... замирательное ощущение. И Авка, не решаясь шевельнуться, рассказывал дальше:

— Вот, они его окружили и давай задирать:

Барабанщик, тра-та-та!
Голова твоя пуста!
В барабане дырка,
Не ходи до цирка!

— А мне? — выговорил Авка и кашлянул, потому что запершило в горле (и защипало в глазах). — Мне можно что-нибудь... тоже...

— Да... вот. — Звенка прижала к его ладони что-то маленькое, колючее...

Это была янтарная птичка. Узкокрылая, золотистая. Жёлтая ласточка!

— Мы такими стекляшками играем в чалки, — тихо объяснила Звенка. — Не бойся, она не бьющаяся... Посмотришь на неё и вспомнишь, как мы тут... повстречались. Потому что...

— Что? — одними губами сказал Авка.

— Ну... мы ведь, наверно, никогда больше не увидимся.

— Почему?! — вскинулся Авка. — Вы там понастройте этих... летучих штук и станете прилетать к нам! Часто!

— Это ещё когда... И неизвестно, будут ли их строить. Наше правительство почему-то боится новых открытий. А к этому гравитоплану меня теперь не подпустят на три тысячи локтей. Запрут его на сто замков...

— А если... всё-таки...

Полностью расстаться с надеждой было для Авки выше сил.

— Ну, может быть, — согласилась Звенка. Так взрослые утешают малыша. И вдруг: — Авка...

— Что? — почему-то испугался он.

— Можно я... поцелую тебя на прощанье?

Мысль о прозвище «бзяка-целовака» (гораздо более скандальном, чем «бзяка-влюбляка») лишь на миг скользнула у Авки. Он втянул воздух, зажмурился и сказал:

— Ага... Ладно...

И ощутил, как тёплые и мокрые Звенкины губы ткнулись ему в щёку. Подождал и открыл глаза. И встретился со Звенкиными глазами — грустными и блестящими. Но в тот же миг Звенка засмеялась, повернулась к Гуське.

— И тебя — тоже! — Нагнулась, чмокнула его в висок и прыгнула к куполу. Не оглянувшись, нырнула в щель. Купол мигом закрылся. И странная штука — гравитоплан — бесшумно взмыла в высоту. И пошла над озером — чёрное блюдце с прозрачной выпуклой крышкой. Блюдце делалось всё мень-

ше, меньше. И наконец пропало в синеве, мигнув напоследок стеклянной искрой...

Вот и всё...

— Какая она... — вздохнул Гуська. — На глазах слезинки, а смеётся...

— Ты никому про неё не говори, — проговорил Авка. Хмуро проговорил, потому что... слезинки, кажется, были и у него.

— Конечно, никому... Да никто и не поверит... Я вот только думаю: неужели никто не видел, как она летит над Тыквогонией? От моря до нас сотня миль.

— Может, кто и видел, да глазам не поверил. Или решил, что это такого змея запустили...

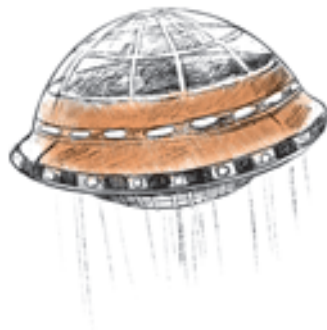
— Наверно...

— Идём домой, Гусёнок.

— Идём... — Но Гуська не пошёл, а вдруг сел на песок. — Авка, я хочу правду сказать... а то буду совсем бзяка. Ты меня отругай, только не сильно, ладно?

— Что такое? — Авка быстро сел рядом.

— Меня мама не ловила... Я долго не шёл, потому что испугался собаки. Той самой. Она опять там бегала, и давай гавкать на меня. И хотела зубами за штаны... И никак не уходит

— Да, господин заместитель директора... — Замороженная тыква внутри Авки таяла. Дело близилось к развязке. Пускай она хоть какая, а всё равно легче...

— Я полагаю, тебе будет полезно в течение двух недель с утра до обеда проводить время в школе, помогать господину Вуве подметать полы и чистить на всех дверях медные ручки...

«О-о-о! — Тыква заледенела опять. — Две недели каникул в корзину с объедками!»

— Или... — В глазках Укропа мелькнули ехидные огоньки. — По-моему, за четыре года школьной жизни ты так и не познакомился с баронессой фон Рутенгартен. Есть возможность исправить эту оплошность... В общем, выбирай сам: господин Вува или госпожа баронесса.

Тяжёлая тыква наглухо примёрзла к желудку и кишкам. Морозный ужас разбежался от неё по всем жилкам. Только не баронесса! Авка уже открыл рот... Но... две недели неволи! С ума сойти... Да и к тому же от судьбы не уйдёшь. Не сейчас, так в гимназии. Не такой уж Авка примерный мальчик и отличник, чтобы ни разу не побывать у старой дамы. Рано или поздно это случается почти с каждым из мальчишек столицы. К тому же вредный Укроп мог разболтать, что ученик Август Головка испугался баронессы. И быть тогда Авке бзякой-боякой...

— Не, — выдавил Авка. — Не хочу я с ним, с Вувой...

— Вот как?

— От него воняет табаком, — сумрачно сообщил Авка, чтобы отрезать все пути.

— Ну что ж, ценю твою решимость, Август Головка, — тонко улыбнулся Укроп. — Надеюсь, баронесса пахнет приятнее...

Он достал из стола розовый листок со школьным штампом.

— Это ордер. После... беседы госпожа баронесса распишет на корешке, и ты принесёшь его мне или, если меня не будет, отдашь господину Вуве. Можешь при этом зажать нос, хе-хе... Необходимую дозу воспитательного лекарства госпожа фон Рутенгартен определит сама, когда ты ей чистосердечно поведаешь о своей керосинной аванюре. Надеюсь, она будет снисходительна. Ступай. Тебе повезло, сегодня среда, приёмный день у баронессы. И думаю, что, ввиду каникул, очереди к ней нет...

Авка пошёл. По коридорам, по солнечной летней улице. На мягких от слабости ногах. Казалось, что все смотрят ему вслед — кто сочувственно, кто с насмешкой.

Самое время было разозлиться на Звенку, из-за которой весь этот ужас! И навсегда выкинуть её из сердца! Но... Звенка снова маячила перед Авкой в воздухе, и на лице её были жалость и страдание. И просьба о прощении... А стеклянная ласточка в нагрудном кармане виновато шевелилась, робко напоминала о себе. «Не раздавить бы, когда начнётся... это...» — зябко подумал Авка. И решил, что будет во время «воспитательной беседы» держать птичку в кулаке — для пущей смелости и терпеливости.

Авка словно разделился на двух человек. Один — сумрачный и решительный, второй — отчаянный трус, который готов был (ик!) бежать на край света, куда-нибудь в самые глухие джунгли Диких областей. Но первый, сумрачный, был чуточку сильнее. По крайней мере, именно он командовал ногами, и ноги приближали Авку к дому баронессы.

Дом стоял на улице Чистильщиков. Он был похож на небольшой замок. Двухэтажный, под крутой черепичной крышей и с узкими, как бойницы, окнами. Сбоку была пристроена башня — глухая, гранёная, словно огрызок великанского карандаша.

В башне баронесса фон Рутенгартен принимала посетителей.

Их, посетителей-то, хватало во все времена, хотя никто не стремился к баронессе по своей воле.

Баронесса считалась служащей ГВИПа — Главного ведомства Императорской педагогики — и носила звание советника первого разряда по делам воспитания. Такое высокое звание она получила очень давно, ещё при отце нынешнего императора, добросердечном Титусе Мягкая Тыква.

— Вообще-то это государственная тайна... но ты обещал молчать о нашей беседе. Наследник продул друзьям-приятелям в известную тебе игру «чопки» какую-то императорскую реликвию. И не стал говорить, кому именно проиграл. И отказался требовать её обратно, сказал, что за это его обзовут «бзяка-отбирака»... Вот его и доставили сюда... Впрочем, его высочество не был на меня обижен. Когда всё закончилось, он даже сказал: «Благодарю вас, мадам. Я думал, это будет гораздо неприятнее».

«Наверно, за это и медаль», — проскочило в голове у Авки. Но сказал про другое (дёрнуло его за язык):

— А голос принца у вас тоже сохранился?

Авка уже понял, что машина с трубой умеет не только вопить по-мальчишечьи, но и запоминать голоса.

— К сожалению, нет. Я включила запись, но во время процедуры его высочество героически молчал, а его храброе сопение аппарат уловить не сумел.

— А как он действует? — опять не сдержал любопытства Авка.

— Довольно просто. Звук попадает в трубу и заставляет колебаться вот эту металлическую пластинку с иглой. Игла выцарапывает на коже вертящейся тыквы зубчатые бороздки. Это и есть запись голоса. А звучание — это обратный процесс. Игла бежит по бороздке и заставляет звучать трубу. Главное, чтобы тыква была гладкая, иначе иголка спотыкается...

— До чего замечательно! — выдохнул Авка. — Ваше сиятельство, это вы сами придумали?

— Нет, это давнее изобретение моего покойного мужа. Фигус фон Рутенгартен был большой любитель музыки. У него в замке каждую неделю играл замечательный оркестр, и барон решил оставить на память лучшие музыкальные произведения. Для этого и придумал тыквофон...

— Что?

— Что такое «тыква», известно. А «фон» на одном из древних языков означает звук. Отсюда и название аппарата... Но изобретения полагается регистрировать в Императорской патентной коллегии. А там всякие учёные мужи воспротивились.

засмеялся негромко и переливчато. Он редко так смеялся — лишь тогда, когда было ему очень-очень хорошо.

«Ну вот и славно, — подумал Авка. — Вот и... просто чудесно». И с души скатился последний камушек.

Он опять взял Звенку за руки — теперь уже смело — и пошёл к качелям. Сели рядышком. Между ними бесцеремонно протиснулся растрёпанный кот. Заурчал. Можно было различить, что он рыжий.

— Это Фонарь?

— Это Плюха. А Фонарь вот, погладь его.

Авка нагнулся и погладил чёрно-белого Фонаря. Тот начал елозить пушистым боком по Авкиной ноге, словно хотел стереть с неё густые царапины.

Гуська опять засмеялся в отдалении. И девочка Люттик тоже...

— Тебе сильно влетело за тот полёт? — осторожно спросил Авка.

— Не сильно. Средне. Конечно, ругали, но и радовались: вернулась живая-здоровая. А гравитоплан заперли на семь замков.

